

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2022

В. А. Мишланов

vmishlanov@yandex.ru

*доктор филологических наук, профессор Пермского государственного
национального исследовательского университета
Пермь, Россия*

В. А. Салимовский

salimovsky@rambler.ru

*доктор филологических наук, профессор Пермского государственного
национального исследовательского университета
Пермь, Россия*

Н. В. Данилевская

danil6@mail.ru

*доктор филологических наук, профессор Пермского государственного
национального исследовательского университета
Пермь, Россия*

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 354.1 УК РФ «РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА»)

Аннотация. Рассматриваются вопросы лингвистического обеспечения правоприменения по ст. 354.1 УК РФ. Интерпретируется экспертиза для первого в РФ процесса, вынесшего обвинительный приговор по факту распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: лингвистическое обеспечение правоприменительной практики, лингвистическая экспертиза текста, реабилитация нацизма, заведомо ложные сведения, коммуникация в сети.

Введение. 30.06.2016 Пермским краевым судом впервые в стране был вынесен приговор по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Житель Перми В. В. Лузгин был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного этой статьей. Ему был назначен штраф в размере 200 000 рублей. Верховный суд РФ отклонил апелляцию, после чего В. В. Лузгин подал жалобу в Европейский суд по правам человека, который ее коммуницировал (направил в РФ для ознакомления и представления по ней письменных замечаний).

Пермский краевой суд при рассмотрении указанного дела использовал экспертизы, одна из которых была подготовлена специалистами Пермского государственного национального исследовательского университета – историком, юристом и лингвистами – авторами настоящей статьи. В связи с актуальностью вопросов лингвистического обеспечения законотворческого процесса и правоохранительной практики, касающихся экстремистской деятельности и реабилитации нацизма, а также большим резонансом, вызванным делом В. В. Лузгина, мы рассмотрим лингвистические аспекты оценивавшихся судом материалов и доводы оппонентов, отрицающих криминальный характер речевых практик осужденного.

Обстоятельства дела таковы: 24.12.2014 г. В. В. Лузгин, находясь у себя дома, с помощью сотового телефона разместил на своей странице в социальной сети «***» для обозрения неограниченным кругом лиц статью «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль»³⁴, публикация которой, по предварительной оценке следствия, явилась нарушением закона.

Перед экспертами были поставлены вопросы:

1. Содержится ли в представленных материалах отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором?

2. Содержатся ли в представленных материалах заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны?

Эти вопросы относятся к компетенции представителей разных наук: истории, юриспруденции, лингвистики.

Основные положения экспертного исследования

Выводы экспертизы, принятые судом. На первый вопрос дан отрицательный ответ. Эксперт-юрист констатировал, что «в приговоре Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) не дается правовая оценка деятельности Степана Бандеры, Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА)». Поэтому нет оснований квалифицировать отрицание преступлений Степана Бандеры, ОУН и УПА как отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала.

По этой же причине выраженное в тексте одобрение деятельности С. Бандеры, ОУН (Б) и УПА, проявляющееся в референтном содержании и модальности высказываний:

Деятельность УПА начала только по факту Немецкой оккупации (в 1942 году), то есть ПРОТИВ ГЕРМАНИИ, и ее оккупации;

³⁴ Здесь и далее фрагменты из текста В.В. Лузгина приводятся в авторском (графическом, орфографическом и пунктуационном) оформлении. – В.М., В.С., Н.Д.

УПА присягали только НА ВЕРНОСТЬ УКРАИНЕ;

УПА НЕ оккупировал чужие земли, а действовали только на своей земле, и защищали СВОЮ землю, и свой народ...

В УПА воевали люди разных национальностей... и под. не квалифицируется экспертами как одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского трибунала. (См. приведенное выше положение юридической экспертизы.)

Для ответа на второй вопрос анализировался следующий фрагмент текста:

КОММУНИСТЫ И ГЕРМАНИЯ СОВМЕСТНО НАПАЛИ НА ПОЛЬШУ, РОЗВЯЗАВ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ 1 сентября 1939 года! То есть, коммунизм и нацизм тесно сотрудничали...

Существительное коммунисты в данном контексте реализует метонимическое значение и является синонимом аббревиатуры СССР. При этом осознается связь с первичным значением – «члены коммунистической партии». Тем самым утверждается, что Советский Союз вместе с фашистской Германией развязал Вторую мировую войну.

Согласно выводу юриста и историка, утверждение о том, что «коммунисты и Германия совместно напали на Польшу, развязав вторую мировую войну», не соответствует приговору Нюрнбергского трибунала. Заведомо противоречит ему также утверждение о том, будто «коммунизм и нацизм тесно сотрудничали».

Вывод по второму вопросу приведен в приговоре Пермского краевого суда:

Из заключения комиссии экспертов, проводивших судебную комплексную историко-юридическо-лингвистическую экспертизу, следует, что в текстовом фрагменте: «Коммунисты и Германия совместно напали на Польшу, развязав Вторую мировую войну 1 сентября 1939 года! То есть, коммунизм и фашизм тесно сотрудничали...», находящемся в пункте 8 текста под названием «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль», существительное «коммунисты» является синонимом аббревиатуры СССР, при этом осознается связь с первичным значением – ‘члены коммунистической партии’. Тем самым утверждается, что Советский Союз вместе с фашистской Германией развязали Вторую мировую войну [11].

Экстремистский характер некоторых высказываний публикации, не инкриминированных В. В. Лузгину. В судебном процессе рассматривался только тот фрагмент текста, который содержал показатели преступления, предусмотренного ч. 1. Ст. 354.1 УК РФ. Между тем для понимания общей целеустановки материала «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль» необходимо выделить еще две речевые единицы, которые, как показал анализ, имеют признаки экстремистской деятельности.

Так, прямой призыв к насильственным антигосударственным действиям, адресуемый пользователям Интернета, содержится в креолизованном тексте,

включающем высказывание с *побудительной модальностью* «ИМПЕРИЮ ЗЛА *Уничтожим!*» и стилизованное изображение руки, сжимающей в кулаке фигуру красного цвета, с контурами географической карты России.

Омонимия формы *уничтожим* (изъявительное накл., буд. сов. вида, имеющая значение «[Я утверждаю, что] Мы уничтожим «империю зла» Россию» / или побуждение адресата к совершению действия вместе с говорящим «[Я призываю:] Вместе уничтожим империю зла – Россию») здесь, несомненно, разрешается в пользу последнего значения (ср.: *Завтра мы выйдем на субботник – Все как один выйдем на субботник!*)

Не вызывает сомнения и референтное значение выражения «империя зла» – Российская Федерация как правопреемник Советского Союза.

Косвенный призыв к насилию (к организации массовых беспорядков) заключен в следующем тексте:

Самые большие перемены к лучшему, произойдут в России не тогда, когда понесут цветы на мост [видимо, на место убийства Б. Немцова – В.М., В.С., Н.Д.], а когда понесут покрышки к Кремлю.

В контексте размещенных на сайте креолизованных текстов, исполненных вражды и ненависти к современной России – к ее нынешней власти и к большинству ее граждан, поддерживающих политику власти, данное высказывание равнозначно призыву: «[Граждане России!] Если вы хотите самых больших перемен к лучшему, действуйте так, как действовали в Киеве в 2013 и 2014 гг.: несите к Кремлю и жгите автомобильные покрышки [вооружайтесь колями, булыжниками, обрезками арматуры, цепями, бутылками с горючей смесью и свергайте действующую власть]».

Заметим, что в современном публицистическом дискурсе горящие автомобильные покрышки стали своего рода символом: для одних – массовых беспорядков, бунта, антиконституционных действий, направленных на насильственный захват власти, для других (ультраправых националистов, бандеровцев) – «революции достоинства», «борьбы за свободу, за европейский выбор».

Общая целеустановка материала «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль» – внедрение в сознание россиян идеологических смыслов, распространяемых необандеровскими украинскими организациями.

О содержании понятия «заведомо ложные сведения». Для правоприменительной практики по статье 354.1 УК РФ очень важной является экспликация понятия «заведомо ложные сведения». Остановимся на его эпистемологическом аспекте.

Некоторое суждение является ложным, если оно не соответствует действительности (т. е. противоречит установленным фактам). В нашем случае заведомо ложными, таким образом, могут квалифицироваться лишь высказывания, не соответствующие научным (историческим) фактам, а также основанным на них решениям судебных инстанций.

Известно, что отношение «истинное знание – ложное знание» распространяется не только на эмпирические, но и на теоретические суждения. Последние не могут быть истинными, если они основываются не на всей совокупности установленных фактов, относящихся к данной области, а только на некоторых фактах, изолированное рассмотрение которых призвано подтвердить взгляды автора. Сказанное в равной степени справедливо для естественных и гуманитарных наук, в том числе истории.

Поэтому при изучении начала Второй мировой войны недопустимо из совокупности важнейших исторических событий – становления нацизма в Германии и «аншлюса» Австрии, Мюнхенского сговора, расчленения Чехословакии при участии Польши и Венгрии, вторжения Италии в Эфиопию и ряда других – искусственно выделять пакт Молотова – Риббентропа для решения конъюнктурных политических задач, в крайнем варианте – отождествления жертв нацизма с нацистскими преступниками.

Утверждение *«КОММУНИСТЫ И ГЕРМАНИЯ СОВМЕСТНО НАПАЛИ НА ПОЛЬШУ, РОЗВЯЗАВ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ 1 сентября 1939 года! То есть, коммунизм и нацизм тесно сотрудничали»* – это заведомо ложные сведения, являющиеся одним из ключевых тезисов, создаваемых на современной Украине необандеровских историко-идеологических доктрин. Ср. утверждение премьер-министра Украины А. Яценюка в 2015 г.: «Мы все хорошо помним вторжение СССР в Германию и на Украину» [16]. Иначе говоря, коммуникативная деятельность В. В. Лузгина заключалась в распространении заведомо ложных сведений и экстремистских призывов среди российских пользователей Сети.

Таким образом, понятие «заведомо ложные сведения», используемое в ст. 354.1 УК РФ, относится не только к эмпирическим (фактофиксирующим) высказываниям, но и к общим положениям, противоречащим выводам Нюрнбергского трибунала и в конъюнктурных политических целях с очевидностью искажающим знания о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

В. Маркова, комментируя факт отклонения Верховным судом апелляции В. Лузгина, приводит следующие доводы адвокатов, которые (доводы) были, по ее мнению, безосновательно отвергнуты судом:

Стороны сразу перешли к прениям, но этот процесс больше напоминал показательное выступление адвокатов, дискуссии не получилось. Против почти получасовой аргументирующей речи каждого из них прокурор сказала лишь, что считает приговор Пермского краевого суда «законным и обоснованным» [5].

Доводы адвокатов (Г. Резника и И. Фадеевой) заключались, в частности, в том, что суд не изучил и не принял во внимание выписки из учебных пособий, в которых говорится о разделении территории Польши между Германией и СССР в 1939 году, в частности из энциклопедии «Отечественная история». Но суд, по логике вещей, может принимать во внимание только

368 факты, тогда как в «литературных источниках» и в «учебных пособиях», на которые ссылаются адвокаты, фактофиксирующая часть – в силу жанровых особенностей – **редуцирована**, порой в очень большой мере, и «**сепарирована**» – с учетом заданных мифологией и идиологемами интерпретаций и оценочных суждений (мнений). В данном случае надежной опорой могут быть научные и юридические источники (исторические исследования, опирающиеся на документы, материалы следственных дел, решения судов, прежде всего приговор Нюрнбергского трибунала). Научные (исторические) тексты должны содержать **описание всех установленных фактов**, что исключает (или значительно уменьшает) возможность искажения «картины событий» в ходе последующих интерпретаций (при условии добросовестности историка и стремления к максимальной объективности).

Отмечается, далее, что суд превысил свои полномочия, решив, что Лузгин распространял заведомо ложные сведения «лишь на основании аттестата, в котором стоит четверка по истории... Потому что “заведомость” – это субъективное доказательство, получать которое должно следствие, допрашивая подозреваемого... Эксперты написали, что сведения были заведомо ложными, но они не сказали, на какую же линейку они примеряли эту ложность, – говорила адвокат. Она пояснила, что есть масса литературных источников, в которых содержатся противоречащие друг другу сведения, а Нюрнбергский трибунал был судом победителей, на котором не оценивалась роль СССР во Второй мировой войне» [5].

Имеет ли возможность (и право) эксперт-лингвист (специалист в области речеведения, теории речевых актов, лингвистической прагматики, психолингвистики) или эксперт-психолог квалифицировать с этой точки зрения отвечающие перечисленным условиям истинности высказывания? Мы полагаем, что если и существует принципиальная возможность доказать «заведомую ложность» суждений, то только посредством речеведческого (дискурсного) анализа экстремистского текста.

При этом целью смыслового анализа конфликтного текста является не только собственно содержание текста, но и мотивы и интенции его создания, для чего во внимание должны приниматься многочисленные импликатуры (пресуппозиции, фоновые знания).

Тиражирование (репосты) чужого текста также имеет определенную мотивацию и коммуникативные цели, совпадающие, как правило, с авторскими интенциями и целями. Более того, сам факт «репоста» текста единомышленника, как ни парадоксально, становится дополнительным критерием, обосновывающим реконструкцию той или иной психологической и коммуникативной (деятельностной) основы текстопорождения.

Какие же речевые показатели принимали во внимание эксперты, делая заключение о заведомой ложности распространяемой Лузгиным информации

о деятельности СССР, на какую, как выразилась И. Фадеева, «линеечку они примеряли эту ложность» (т.е. заведомую ложность)?

Прежде всего – на здравый смысл как категорию юриспруденции [8]. Лузгин не мог не знать того, как расценивались и расцениваются причины возникновения Второй мировой войны в СССР и современной России и что эти оценки прямо противоположны распространяемым им утверждениям. Фактом репоста содержащихся в тексте суждений Лузгин как бы утверждает, что российская точка зрения (на причины и инициаторов войны) и соответствующие выводы Нюрнбергского трибунала – это измышления, ложь. Но в тексте для такого утверждения нет аргументов, опирающихся на совокупность непреложных фактов. Следовательно, выбор «той» точки зрения обусловлен идеологическими мотивами. Утверждение об ответственности «коммунистов» за развязывание войны следует рассматривать в контексте других фрагментов текста (написанного, судя по проявлениям интерференции, на Украине), исполненных враждебности и ненависти к России (не к власти, не к «режиму», а к России в целом), насыщенных лживыми утверждениями, реабилитирующими бандеровцев, и соответствующими оценками.

Анализ аргументации оппонентов и обоснование выводов экспертизы.

Современное российское антиэкстремистское законодательство (Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и связанные с ним статьи УК РФ) подвергается довольно суровой критике со стороны правозащитных организаций и либеральных СМИ (см., в частности: [1]). Строгий анализ языковой формы названных текстов, действительно, не позволяет сделать вывод, что все здесь безупречно и не нуждается в корректировке и уточнениях [3]. Заметим, однако, что чаще критикуется не столько «буква», сколько содержание законодательных текстов. Однако, проанализировав критические суждения юристов и представителей правозащитных организаций, касающиеся ряда положений законов об экстремизме и террористической деятельности, мы пришли к выводу о необоснованности многих из этих суждений [6].

Критические отклики на антиэкстремистское законодательство появляются и в юридической научной среде [14]. В аспекте проблем правоприменения особо выделяется ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». Отмечается, что «на сегодняшний день ни законодатель, ни Верховный Суд Российской Федерации пока не дали своего официального разъяснения тому, что же следует понимать под действиями, указанными в ст. 354.1 УК РФ, как их интерпретировать, где «уловить» разницу между нарушением закона и свободой слова, как оценивать с правовой точки зрения труды историков, изучающих события, ход и итоги Второй мировой войны, роль в ней СССР, дающих происходящим в тот период событиям разные оценки и т. д.» [14: 22].

Высказывается даже мнение, что действия, предусмотренные ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма») вообще не подпадают под понятие уголовного преступления. Ср.: «Что касается распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенных публично..., то, как это ни прискорбно, но, на наш взгляд, эти деяния вообще не подпадают под понятие преступления и не являются преступными. Почему? Согласно Уголовному кодексу РФ “Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания”. Таким образом, признаками преступления являются а) общественная опасность, б) противоправность, в) виновность, г) наказуемость» [10: 90].

Из приведенной цитаты видно, что, с точки зрения М. Ю. Осипова, распространение ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны есть посягательство не на общественные отношения, а на историческую память народа, и эта коммуникативная практика не является общественно опасным деянием, а стало быть, не должна трактоваться как противоправная и наказуемая. Другими словами, М.Ю. Осипов полагает, по всей видимости, что *распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенных публично не посягает на общественные отношения* (не наносит им вреда).

Логика автора, на наш взгляд, сомнительна. Характер и степень общественной опасности распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, по мнению М.Ю. Осипова, «никак не затрагивает существующие общественные отношения, ценности или блага, предусмотренные уголовным кодексом, и никак на них не посягают» [10: 91]. Но если в действующем уголовном законодательстве не оговорено, что защите подлежат также те нематериальные ценности, которые реализуются в «исторической памяти» (а это то, что наряду с языком является главнейшим фактором национальной идентичности), то это вовсе не означает, что «посягательство на историческую память» (распространение мнений и оценок, противоречащих фактам и их оценкам, хранимым в исторической памяти народов СССР и передаваемым от поколения к поколению) не несет угрозы общественным отношениям и, стало быть, не должно наделяться признаками противоправности, виновности и наказуемости.

Мы оставляем обсуждение юридических нюансов правоведам, но считаем себя вправе – как специалисты в области массовых коммуникаций – коснуться здесь социологических и иных гуманитарных аспектов обсуждаемых проблем. На наш (не юридический) взгляд, одно только «посягательство на историческую память» в наше время способно причинить существенный ущерб общественным отношениям, которые так или иначе соотнесены с нематериальными ценностями, идеологией и нравственностью, а точнее,

обусловлены ими. Ведь забвение исторической правды, вытеснение ее некой другой «правдой» коренным образом может изменить «характер общественных отношений».

Не будет преувеличением утверждать, что в современном мире наибольшая опасность для общественных отношений (в России) таится в настойчивых и постоянных попытках «переформатировать» и «перекодировать» наше общественное сознание, лишить нашу духовную культуру традиционных ценностей, стереть «историческую память» и «дивно близкое нам» чувство «любви к родному пепелищу» (по Пушкину, залог величия и «самостоянья» человека).

Свобода слова не должна нарушать законных прав другого человека на личное, социальное (профессиональное) и национальное достоинство. Как следует из ч. 2 ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека, осуществление права на свободу слова «сопряжено ... с ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц» [4]. На одной чаше весов здесь понимаемые абсолютивистски «требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно “демократическое общество”» [(цитируется Постановление Европейского суда по правам человека по делу Кудешкина)], на другой – наша национальная идентичность и «духовное самостоянье», а в конечном счете, государственный суверенитет.

Вернемся к делу В. Лузгина. Удивление адвокатов вызвало то, что суд расценил как реабилитацию нацизма «фразу о том, что Гитлер совершил преступление вместе с коммунистами» («Еще на втором курсе проходят, что соучастие в преступлении – это отягчающее обстоятельство, – подчеркнул Резник») [5]. Но фраза эта непосредственно связана со второй частью ст. 354.1, трактующей в равной мере как уголовное преступление не только «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала», но и «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». К правовому понятию «реабилитация нацизма» утверждение, что «Гитлер совершил преступление вместе с коммунистами», имеет все же отношение, пусть и весьма опосредованное (и, очевидно, по этой именно причине законодатель включил пассаж о заведомо ложных сообщениях об участии СССР во Второй мировой войне в данную статью). В самом деле, тот, кто возлагает ответственность за развязывание войны не только на фашистскую Германию, но и «на коммунистов» (СССР), вправе делать вывод, что Германия ответственна как бы лишь наполовину, и если нашей стране не вменяется в вину развязывание преступной войны, то и нацисты могут рассчитывать на снисхождение.

После отклонения апелляции Верховным судом В. Лузгин, как известно, подал иск в Европейский суд по правам человека. Рассмотрим, насколько обоснованными являются положения этого иска.

«В жалобе говорится о нарушении ст. 7 Конвенции по защите прав человека, гарантирующей “наказание исключительно на основании закона”. Истец полагает, что ст. 354.1 УК не хватает предсказуемости, поскольку к “отрицанию фактов”, установленных в Нюрнберге, суды приравняли утверждение о фактах Второй мировой войны, которые трибунал не устанавливал» [12]. Здесь имеется, очевидно, в виду, что российский суд неправомерно квалифицировал как оправдание нацизма распространение сведений о фактах, которые не были обнародованы на Нюрнбергском процессе (например, о секретном приложении к пакту Молотова-Риббентропа). Предполагается, что Лузгин, зная о такого рода фактах, вправе был интерпретировать их по-своему – как свидетельство вины СССР в развязывании войны.

Вновь отметим логическую «нестыковку»: транслируемое В. Лузгиным утверждение «Гитлер совершил преступление вместе с коммунистами» (= «Коммунисты совершили преступление вместе с Гитлером») квалифицируется судом не как реабилитация нацизма, а как заведомо ложные сведения о деятельности СССР в 30-е – 40-е гг. XX века. Казалось бы, интерпретации, мнения не могут быть истинными или ложными. Еще раз подчеркнем, что интерпретации, оценочные мнения, не отвечающие формально условиям истинности, могут быть обоснованными (опирающимися на факты во всей их совокупности) или произвольными, диктуемыми идеологией и определенными коммуникативными интенциями и целями. В последнем случае они оказываются инсинуациями, измышлениями [6].

Анализируя рассматриваемую ситуацию, А. Пушкарская пишет: «На сайте ЕСПЧ сообщается, что вопросы страсбургских судей вызвал обвинительный приговор Владимиру Лузгину за репост текста статьи “15 фактов о бандеровцах, или О чем молчит Кремль”, относящегося к авторскому восприятию истории украинской повстанческой армии. Правительству РФ предложено сообщить, соответствует ли ст. 354.1 Уголовного кодекса (УК) РФ (реабилитация нацизма) требованиям предсказуемости к закону, установленным ст. 7 Конвенции по защите прав человека (запрет наказания без закона) и чем было оправдано вмешательство государства в свободу слова, гарантированную ст. 10 конвенции. Мог ли инкриминированный господину Лузгину текст “рассматриваться как прямой или косвенный призыв заявителя к насилию или как оправдание насилия, ненависти или нетерпимости”, а также “прямо или косвенно привести к любым вредным последствиям», интересуется ЕСПЧ» [12].

Эксперты показали, однако, что «авторское восприятие истории УПА» не аргументируется ссылками на непреложные факты и совершенно не согласуется с фактами установленными (подтвержденными документами и научными

публикациями). По этой причине то обстоятельство, что распространялось «авторское восприятие» истории УПА, дела не меняет.

«Нарушила Россия, по мнению истца, и 10-ю статью Конвенции, защищающую свободу выражения мнений. Господин Лузгин считает, что вмешательство властей в это право, гарантированное также Конституцией РФ, непропорционально, не преследует законных целей и не служит общественным интересам. Он отмечает, что не отрицал преступлений нацистов против человечности и не призывал к насилию и ненависти, к тому же не является публичной персоной и распространял инкриминированный ему пост в соцсети для узкого круга пользователей. Наказание является очевидно карательным и носит охлаждающий эффект для исторической дискуссии, говорится в жалобе» [12]. Но то, что думает по этому поводу Лузгин, – это мнения именно Лузгина (суждения в свою защиту), необоснованность которых показана в экспертном заключении.

Что касается возможности «вмешательства государства в свободу слова» (в процессы социальной коммуникации), то она, как известно, допускается не только российским антиэкстремистским законодательством, равно как законодательством других стран, но и самой Европейской Конвенцией о правах человека (см. ч. 2 ст. 10).

Заключение. 17 марта 2021 г. Государственной Думой РФ в ст. 354.1 УК РФ были предложены важные уточнения, которые 31 марта были одобрены Советом Федерации РФ, а 5 апреля этого же года были утверждены президентом РФ В. В. Путиным (см. N 59-ФЗ от 5.04 2021 г.).

Внесенные уточнения и дополнения усиливают ответственность за реабилитацию нацизма. Так, указанная статья дополнена новыми квалифицирующими признаками, обуславливающими ужесточение наказания. К их числу относится, в частности, совершение противоправного деяния с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

В нашем исследовании особенно значима диспозиция «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Распространение В. В. Лузгиным в сети Интернет заведомо ложной информации о том, что якобы Советский Союз вместе с фашистской Германией развязал Вторую Мировую войну, является основанием для вынесения обвинительного приговора по делу.

Усиление мер уголовной ответственности за реабилитацию нацизма и распространение ложных утверждений о деятельности СССР во время Второй мировой войны обусловлено негативными политическими процессами в современном мире, связанными с ведением против Российской Федерации гибридной войны. Оно направлено «на защиту исторической правды и исторической народной памяти» [2].

Литература

1. Бурьянов А. С. О необходимости отмены ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и иного «антиэкстремистского» законодательства. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=8257> (дата обращения: 24.05.2021).
2. Внесение законопроекта в Государственную Думу. Пакет документов при внесении. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1050812-7> (дата обращения: 13.08.2021).
3. Демешкина Т. А., Наумов В. Г. Проблема лингвистического обеспечения федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Вестник Томского государственного университета. Филология. Лингвистика. 2011. № 4 (16). С. 5–12.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения: 26.05.2021).
5. Маркова В. Верховный суд признал законным приговор жителю Перми по «закону Яровой». 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/social/2016/09/01/verkhovnyy-sud-priznal-zakonnym-prigovor-zhitelyu-permi-ro-zakonu-yarovoju.html> (дата обращения: 25.05.2021).
6. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Язык законов в свете законов языка (о содержании понятия лингвистическое обеспечение законодательства и правоприменения) // Экология языка и коммуникативная практика. Вып. 1. Красноярск, 2013 (а). С. 165–176.
7. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Оценка как объект юрислингвистических интерпретаций // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика: Интернет-конференция. Кемерово, 2013 (б). С. 3–9.
8. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 304 с.
9. О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. 05.04.2021. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381360/ (дата обращения 07.06.2021).
10. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 86–91.
11. Приговор Пермского краевого суда по уголовному делу в отношении Лузгина В. В. [Электронный ресурс] URL: <https://rospravosudie.com/court-permskij-kraevoj-sud-permskij-kraj-s/act-525598285/> (дата обращения: 24.05.2021).
12. Пушкарская А. ЕСПЧ коммуницировал дело о реабилитации нацизма. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3441045> (дата обращения: 24.05.2021).

13. Пушкарская А., Хвостик Е. Страсбургский суд разберется с решениями Нюрнбергского трибунала. 2017. [Электронный ресурс]. ULR: https://www.kommersant.ru/doc/3230741?from=doc_vgez (дата обращения: 24.05.2021).

14. Ставицкая А. Закон «О противодействии экстремистской деятельности». Юридический комментарий. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://studies.agentura.ru/tr/presscoverage/extremist/> (дата обращения: 20.05.2021).

15. Червоных Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 21–27.

16. Яценюк заявил, что СССР напал на Германию и Украину. [Электронный ресурс]. ULR: <https://life.ru/t/новости/148125> (дата обращения: 24.05.2021).

Valery A. Mishlanov
Vladimir A. Salimovsky
Natalia V. Danilevskaya

**ON LINGUISTIC SUPPORT OF THE LAW ENFORCEMENT
PRACTICE (FOR CRIMINAL OFFENSES UNDER THE ARTICLE
354.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
“REHABILITATION OF NAZISM”)**

Abstract. The issues of linguistic support of law enforcement under Art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The examination is interpreted for the first trial in the Russian Federation, which passed a guilty verdict on the fact of spreading deliberately false information about the activities of the USSR during the Second World War.

Keywords: linguistic support of the law enforcement practice, linguistic examination of the text, rehabilitation of Nazism, knowingly false information, Internet communication.